

Пролог

- Я ничего не вижу.
- Осторожно, здесь ступенька...
- Куда мы идем?
- Сейчас увидишь.
- «А какково сказать «прощай навек» живому человеку, ведь это хуже, чем похоронить».
- Слова из твоей роли?
- Да. Сегодня на репетиции я их забыла.
- Скажи еще что-нибудь.
- Вот, например... «Вижу я, входит девушка, становится поодаль, в лице ни кровинки, глаза горят. Уставилась на жёниха, вся дрожит, точно помешанная. Потом, гляжу, стала она креститься, а слезы в три ручья полились. Жалко мне её стало, подошла я к ней, чтобы разговорить да увести поскорее. И сама-то плачу...» Здесь очень темно!
- «Здесь очень темно» — отсебятина.
- Нет, правда, я ничего не вижу... У меня в сумочке спички.
- Не надо спичек. Дай руку.
- Уже пришли?
- Дай руку!
- Вот она... Как смешно. Я правда не вижу, куда...
- Это дверь.

- Где?
- Здесь. Дай мне руку, я тебя проведу.
- Ой!
- Что?
- Споткнулась.
- Осторожней, еще немного... Видишь, это уже я.
- Пожалуйста...
- Что?
- Руку больно!
- Тише...
- Мне больно!
- Зачем так кричать?
- Ма-а-ама-а-а!
- Ти-и-ише...

В темноте прозвучал коротенький вздох, зажглась спичка, и вдруг что-то хрястнуло, как будто раскололся большой арбуз.

— Вот и все. Как там по роли? Прощай навек?.. Ну так прощай.

ГЛАВА 1

ОТПУСК В ЖЕЛЕЗНОБОРСКЕ

В день, когда Дайнека получила университетский диплом, она купила билет и вечером улетела. По прибытии в Красноярск взяла такси и в половине шестого уже была у матери.

— Вот! — она протянула диплом.

Людмила Николаевна сонно прищурилась, потом обняла дочь.

— Поздравляю!

Дайнека спохватилась:

— Прости, что так рано.

— Ничего, — Людмила Николаевна показала на дорожную сумку. — За нами скоро приедут.

Дайнека опустила на стул.

— Кто?..

— Такси.

— Зачем?

— Мы едем в гости к моей школьной подруге. У нее свой дом на берегу Железнодорожного озера. Она давно меня приглашала, но я не решалась. Что ни говори, инвалид-колясочник — обуза для непривычного человека. С тобой будет проще. Так что вещи не разбирай. Надежда заказала для нас пропуск. Железнодорожск — город режимный.

Людмила Николаевна подъехала к зеркалу, развязала платок, стала снимать бигуди и складывать себе на колени. Дай-

нека глядела на нее и думала, что мать по-прежнему живет своими желаниями и ни с кем не собирается их согласовывать. Вздохнув, она взяла сумку и отнесла к выходу, убеждая себя в том, что приехала, чтобы побыть с матерью, а где, особого значения не имеет.

Про Железнодорожск Дайнека знала лишь то, что он находится в шестидесяти километрах от Красноярска. С одной стороны город окружен лесистыми сопками, с другой — болотами и лугами, которые протянулись до самого Енисея. Однажды ей пришлось там побывать, но визит имел быстротечный и экстраординарный характер¹.

Секретный город Железнодорожск поддерживал оборонную мощь страны и был отрезан от мира тремя рядами колючей проволоки. Выехать из него можно было свободно, а вот заехать — только по специальному разрешению.

За час они с матерью добрались до железнодорожного КПП², предъявили паспорта и прошли через механический турникет. То есть Дайнека прошла, а Людмила Николаевна проехала в инвалидной коляске. На той стороне «границы» их ожидала другая машина, поскольку чужие автомобили, в том числе такси, в город не пропускали.

По дороге мать рассказала, что Надежда Кораблева, ее подруга, никогда не была замужем и осталась бездетной. Их общее детство казалось ей самой счастливой порой жизни. Теперь подругам предстояли долгие разговоры о том золотом времени. И хотя относительно прошлого Людмила Николаевна придерживалась иной точки зрения, она не отказалась провести небольшой отпуск на берегу красивого озера.

¹ Подробности в книге «Подвеска Кончиты».

² Контрольно-пропускной пункт.

Дом, возле которого остановилось такси, выглядел основательно: два каменных этажа с цоколем. Вокруг — обширный участок с маленьким огородом. Плодовые деревья, баня, малинник...

Выбравшись из машины, Людмила Николаевна пересела в коляску. С крыльца сбежала статная дородная женщина и кинулась обниматься:

— Людочка... Мы уже заждались!

— Здравствуй, Надя. Это моя дочь! — По лицу матери было видно, что она гордится Дайнекой.

Из дома вышла мать Надежды, Мария Егоровна, кругленькая старушка с «перманентом» и вставными зубами. Она с трудом спустилась по лестнице, притронулась к пояснице и пожаловалась:

— Совсем замучил радикулит. Ни согнуться, ни разогнуться... Здравствуй, Люда. Какая у тебя взрослая дочь!

Людмила Николаевна похвасталась:

— Вчера получила университетский диплом!

Осмотрев дом и определившись, где они будут жить, Дайнека провезла мать по участку. Надежда с увлечением рассказывала про свои садовые достижения:

— Здесь у меня розы. Все удивляются, говорят, в Сибири они не растут. Растут! Да еще как!

— А это что? — Людмила Николаевна показала на тонкое деревце.

— Вишня.

— Неужели плодоносит? — из вежливости спросила Дайнека.

— Осенью полведра соберу!

Дайнека потрогала тоненький ствол, удивляясь, как этот прутик сможет произвести полведра вишни.

— Надя! Надя! — позвала из окна Мария Егоровна. — Хватит уже! Идите обедать!

За столом старуха не умолкала ни на минуту. Она сообщила, что сейчас находится на больничном, но вообще-то до сих пор работает костюмершей в городском Доме культуры. А муж ее, Витольд Николаевич, лечится в санатории. И не преминула добавить: в прошлом он работал на высокой должности в Комитете госбезопасности.

После обеда мать легла отдохнуть, а Дайнека отправилась к озеру. В холодной воде еще никто не купался, но загорающих на пляже было полно. Она скинула платье и зашла в озеро по грудь, потом оттолкнулась и поплыла. Солнце слегка нагрело поверхность, но в глубине, куда все время попадали коленки, был ледяной холод. Проплыв метров тридцать, Дайнека развернулась и направилась к берегу. Увлеченные примером, там, по колено в воде, уже стояли несколько человек.

Она ступила на берег, прошлась по песку и ощутила всю прелесть предстоящего отдыха. Нежданно-негаданно Дайнека получила то, о чем мечтала давно: тихий отпуск вдаль от шумного города.

Чуть обсохнув, она подняла платье и, стряхнув песок, натянула его на себя. На противоположном берегу озера тоже был пляж, за ним — парк, еще дальше стояли многоэтажные жилые дома. Дайнека добралась до автобусной остановки и села в первый подошедший маршрут. Через пятнадцать минут сошла в центре города. Впрочем, Железнодорожск был так мал, что его целиком можно было назвать одним центром или одной окраиной, кому как понравится.

На центральной площади стоял памятник Ленину и городской Дом культуры с шестью колоннами и внушитель-

ным портиком. За ним виднелись лесистые сопки и тайга — на тысячи километров.

По главной улице Дайнека дошла до парка, который соорудили из куска дикой тайги. Вековые сосны соседствовали здесь с прямыми аллеями, цветочными клумбами и гипсовыми спортсменами. Ей достаточно было совсем немного прогуляться по тропке среди деревьев, чтобы захотеть вернуться сюда с матерью. После этого Дайнека снова села в автобус и вернулась к дому Надежды. Во дворе она столкнулась с Марией Егоровной. Ее лицо казалось заплаканным и немного опухшим.

Дайнека встревожилась:

— Что-нибудь с мамой?

— С ней все в порядке, — вздохнув, старуха склонила голову. — А вот меня увольняют с работы.

— За что?

Из дому вышла Надежда, поставила на скамейку тазик с бельем и сообщила:

— В костюмерном цехе проходит инвентаризация. В Доме культуры начинают ремонт. Костюмеров всего двое. Сегодня позвонила начальница: или выходи, или увольняйся. А как она выйдет с радикулитом?..

Дайнека, не раздумывая, сказала:

— Есть один вариант.

— Какой? — поинтересовалась Надежда.

— Кем-нибудь заменить.

— Некем! — Старуха насухо вытерла слезы. — Видно и вправду увольняться пора. — Она уронила руки. — Но как же я без работы...

— Возьмешь лейку и пойдешь поливать огурцы, как все нормальные бабки, — сказала дочь.

— У всех нормальных бабок есть внуки, — Мария Егоровна отвернулась, словно опасаясь нарваться на неприятности, но все же добавила: — И даже правнуки. А у меня никого нет.

— Ну, вот что! — вмешалась Дайнека. — Я могу пойти вместо вас.

— Куда? — не поняла Мария Егоровна.

— На вашу работу.

— Да ты, наверное, иголки в руках не держала.

— Держала, — на крыльцо выкатилась в коляске Дайнекина мать. — Я сама ее шить научила.

Мария Егоровна растерянно взглянула на дочь.

— А что, — промолвила Надя. — Это хороший выход.

ГЛАВА 2

КОСТЮМЕРША

Следующим утром Дайнека вышла из дому и уверенно направилась к автобусной остановке. В сумочке у нее лежал пластмассовый контейнер с обедом, который приготовила Мария Егоровна, и серый халат, без которого, по уверениям старухи, работать было нельзя. Автобус вновь обогнул озеро и доставил ее к городскому Дому культуры.

У служебного входа стояла женщина с высокой старомодной прической. По серому халату Дайнека узнала в ней коллегу по цеху.

— Валентина Михайловна?

Женщина свела к переносице белесые бровки.

— Людмила Дайнека?

— Я, — кивнула она.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать два.

Валентина Михайловна сказала вахтеру:

— Иван Васильевич, девушка — со мной. Пропустите.

Старик что-то записал в огромный журнал.

Вслед за начальницей Дайнека поднялась по мраморной лестнице. Из нарядного кулуара с окрашенными под малахит колоннами они свернули в коридор. Потом двинулись какими-то переходами, спускались и поднимались по узким лестницам, открывали тяжелые противопожарные двери и наконец оказались за сценой, где располагалось хранилище костюмерного цеха.

Валентина Михайловна отомкнула висячий замок на двустворчатой металлической двери, вынула его из проушин и зашла внутрь.

Сунув туда нос, Дайнека ощутила волнуемый запах. Позже она узнала: так пахнет грим, пыльные ткани, вошенная краска с папье-маше и старая обувь, в которой танцевала не одна пара ног. Но в тот первый момент ей показалось, что так пахнет тайна.

Большую часть хранилища занимали двухэтажные вешала, полностью заполненные сценическими костюмами. У окна стоял письменный стол. Все остальное пространство заполнили фанерные сундуки и деревянные ящики.

Валентина Михайловна критически оглядела Дайнеку и спросила:

— Халат у тебя есть?

Девушка скинула курточку, достала халат и быстро его надела.

— Будешь разбирать сундуки с реквизитом и обувью и записывать инвентарные номера. Работы много. Не вовремя заболела Мария Егоровна. — Начальница села за письмен-

ный стол. — Вот инвентаризационная ведомость. Здесь пишешь наименование, в этой графе — номер.

— А где все это взять? — поинтересовалась Дайнека.

Валентина Михайловна подняла глаза и выразительно помолчала. Потом обронила:

— Все в сундуках. — Она встала, подошла к ящичку и ткнула пальцем в черную надпись. — Номер. Записываешь его в самом верху. — Со стуком откинула крышку и достала из ящичка пару черных сапог. Показала подошвы. — Видишь цифры? Это инвентарный номер, вносишь в графу.

— Наименование там же искать?

— Зачем? — не поняла Валентина Михайловна.

— Чтоб записать...

Начальница устало вздохнула и, выставив перед собой сапоги, задала наводящий вопрос:

— Что это?

— Сапоги, — уверенно ответила Дайнека.

— Какого они цвета?

— Черного!

Валентина Михайловна взяла шариковую ручку и, проговаривая каждое слово, записала в инвентаризационной ведомости:

— Сапоги черные... Инвентарный номер сорок два, тире, двадцать три, сорок четыре.

— Все поняла! — Дайнека с готовностью потянулась к ящичку. — С этого начинать?

— С этого, — сказала Валентина Михайловна. — По одной вещи выкладываешь и пишешь, потом все аккуратно возвращаешь на место.

Приступив к работе, Дайнека поняла, что Валентина Михайловна — жуткая аккуратистка. Все предметы и обувь ле-

жали в ящике идеально, и у нее не было уверенности, что, записав инвентарные номера, она сможет восстановить этот идеальный порядок.

Тем не менее до конца рабочего дня ей удалось перебрать целых три ящика и не получить ни одного замечания. Немного понаблюдав за Дайнекой, Валентина Михайловна успокоилась и больше не подходила.

В половине шестого, когда до конца рабочего дня осталось тридцать минут, Дайнека открыла большой фанерный сундук. В нем хранился сценический реквизит: жареный поросенок, яблоки, груши и огромный пирог, все — из папье-маше. Еще был кокошник с фальшивыми изумрудами, покрывало из старинного гобелена, резиновый виноград и ваза с вылинявшими поролоновыми цветами.

Под картиной в бронзовой раме Дайнека заметила уголок красного кожзаменителя. Заинтересовавшись, потянула его на себя и вытащила из ящика старомодную сумку. Оглядев ее, сообщила:

— Валентина Михайловна, на ней нет инвентарного номера.

— Дай. — Костюмерша взяла сумку, покрутила, потом сказала: — Пиши: сумка женская, «б» и «н».

— Что это значит?

— Без номера.

— А можно в нее заглянуть?

— Зачем тебе?

— Так...

— Ну, если так, загляни.

Дайнека расщелкнула замочек.

— Здесь деньги...

— Ну-ка, — Валентина Михайловна снова взяла сумочку и вынула десять рублей. — Надо же... Старый червонец. Ты, наверное, и не помнишь таких. А это что? — Она сунула руку в матерчатый карман и вытащила темно-красную книжечку. — Паспорт старого образца.

Дайнека придвинулась:

— Чей?

Начальница открыла паспорт и прочитала:

— Свиридова Елена Сергеевна, тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года рождения.

Они стали разглядывать фотографию. На ней была хорошенькая блондинка с заколотыми наверх волосами. На вид — не больше семнадцати.

— Как он здесь оказался?

— Не знаю. Наверное, артистка из художественной самодеятельности положила, а потом забыла. Только что-то я не помню такой... — Валентина Михайловна порылась в сумочке, достала спичечный коробок, смятый платок и губную помаду фабрики «Рассвет».

— У меня в молодости такая была. Странно... Давай проверим прописку. — Она полистала паспорт. — Улица Ленина, дом восемнадцать, квартира тридцать четыре. Наша, городская, нужно бы занести...

Дайнека вернулась к ящику, но Валентина Михайловна посмотрела на часы и сказала:

— Можешь идти домой.

Дайнека засомневалась.

— До конца рабочего дня пятнадцать минут...

— Ну и что?

— Вам надо помочь...

— Завтра поможешь. — Костюмерша протянула ей паспорт. — А сейчас иди по этому адресу и отдай. Все-таки документ.

Дайнека взяла паспорт, сняла халат и вышла из костюмерной. Пройдя мимо запасника, где хранились ненужные декорации, спустилась по лестнице и направилась к служебному выходу.

— Стой! — Вахтерша Дома культуры преградила ей путь. — Кто такая?

— Людмила Дайнека.

— Здесь что делаешь?

— В костюмерном цехе бабушка заболела. Я вместо нее.

— Марии Егоровне давно пора на покой. Да кто ж сюда за такие деньги пойдет?..

— Ну, я же пошла.

— Не наша? Не городская?

Дайнека неохотно созналась:

— Приехала из Москвы.

— На каникулы?

— К матери в гости.

— Мать-то наша хоть, городская?

— Нет, она живет в Красноярске.

— Чего ж ты, девка, в Железнодорожке забыла?

— Мама здесь у подружки школьной гостит, в доме на озере.

— Значит, Мария Егоровна, наш костюмер, подруга твоей матери?

— Нет. Она мать подруги, — объяснила Дайнека.

Старуха пожала плечами.

— До конца рабочего дня еще десять минут.

Дайнека решила прекратить бесцеремонный допрос.

— Во-первых, утром вахтер все записал в журнал. Вторых, я не оформлена. Помогаю на добровольных началах.

— Тогда пусть напишут приказ и заверят его у директора. Без приказа больше не пропущу.

— У вас с этим строго, — ухмыльнулась Дайнека. — Скажите, а где здесь улица Ленина?

— Как выйдешь, сразу налево.

— Спасибо.

Она вышла через служебную дверь, свернула налево, по диагонали пересекла площадь и оказалась у «сталинки» под номером двадцать четыре.

Восемнадцатый был в двух шагах...

ГЛАВА 3

ПОИСК НАЧИНАЕТСЯ

Сидящие на лавочке старухи проводили Дайнеку любопытными взглядами. Она прошла мимо них и свернула в третий подъезд. Тридцать четвертая квартира располагалась на первом этаже. Дайнека постучалась в деревянную дверь, но никто не ответил. Она выждала, стукнула еще несколько раз и направилась к выходу.

— Ищешь кого? — спросила старуха в вязаной шляпке.

Дайнека раскрыла паспорт и прочитала:

— Свиридову Елену Сергеевну тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года рождения.

— У нас таких нет.

Первую старуху перебила вторая, в пестром платке:

— Как, говоришь, фамилия?

— Свиридова.

— Аленка? Не та ли, что потерялась?

Старухи притихли, что-то припоминая.

— Ну... Это когда было, — протянула та, что в вязаной шляпке.

— Вы не знаете, где она теперь проживает? — спросила Дайнека.

— У-у-у, милая, этого теперь никто не знает.

— Пропала она, — вмешалась та, что в платке.

— Как пропала?.. — растерялась Дайнека. — Давно?

— Лет тридцать назад. — Старуха в задумчивости приложила руку к щеке. — Мы приехали в этот дом в восемьдесят втором. Года через два эта девица из тридцать четвертой пропала. Выходит — в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом. Аккурат — тридцать лет.

— Ее не нашли?

— Нет. Не нашли. Года через три ее мать переехала.

— Как же так... — Дайнека показала найденный документ. — Вот и паспорт ее нашелся...

— Паспорт — что? Бумажка, — глубокомысленно произнесла старуха. — Человека найти сложней.

Обе уставились на Дайнеку, словно ожидая от нее каких-нибудь новостей.

Она скомканно попрощалась, но тут же спросила:

— А где здесь полиция?

— Это — у кладбища. Лучше езжай на автобусе. Пешком далеко.

Дайнека покинула двор, прошла немного по улице, встала на обочине и махнула рукой. Возле нее сразу остановилась машина, стекло опустилось, водитель спросил:

— Куда?

— В полицию.

Он потянулся, чтобы дернуть за ручку, и открыл перед ней дверцу:

— Садись, довезу.

Дайнека села и на всякий случай осведомилась:

— Сколько это будет стоить?

— Не пообедаешь, — заверил водитель, трогаясь с места. — Приезжая?

— А что, сильно заметно?

— Город маленький, все примелькались. Приезжих видно издалека.

Покосившись, Дайнека определила, что ему примерно столько же лет, сколько ей. Крепкий, симпатичный, темно-волосый.

— Слава...

— Что?

— Меня зовут Вячеслав, — чуть громче сказал он.

— Меня — Дайнека. — Она приготовилась к тому, что он удивится: какое странное имя, и ей придется объяснять, что на самом деле это фамилия. Но он заговорил о другом:

— Зачем тебе в отделение?

— Чужой паспорт нашла. Нужно вернуть.

— Проще по адресу отнести.

— Только что заходила. Хозяйка паспорта потерялась, а мать переехала.

Он покосился на нее с любопытством и усмехнулся:

— Детектив, да и только...

Автомобиль свернул во двор пятиэтажного здания и остановился у центрального входа.

— Сколько? — Дайнека вынула кошелек.

— Да ладно! — отмахнулся Вячеслав. — Может, тебя подождать?

Она ответила очень категорично:

— Спасибо! Не надо.

— Тогда до свидания. — Он дождался, пока она выйдет, захлопнул дверцу и сразу уехал.

Дайнека поднялась по ступенькам, вошла в вестибюль и направилась к стеклянному ограждению с надписью «Дежурное отделение».

— Вот, — протянула паспорт.

— Что? — Дежурный офицер поднял глаза.

— Я нашла чужой паспорт.

Он забрал красную книжицу.

— Документ старого образца. Недействительный.

Дайнека отступила.

— Все равно заберите. Эта девушка потерялась.

— Откуда вам это известно?

— Соседи рассказали.

— По месту прописки? — Он снова раскрыл паспорт. — Ленина, восемнадцать, тридцать четыре?

— Да. Она пропала в середине восьмидесятых.

Дежурный присвистнул.

— Чего от меня хотите?

— Чтобы вы забрали ее паспорт и по возможности попытались найти.

— Не понял, — удивился дежурный офицер. — Кого я должен найти?

— Свиридову Елену Сергеевну тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года рождения.

Он что-то набрал на клавиатуре компьютера, взглянул на монитор и сообщил:

— В апреле восемьдесят четвертого Свиридову Елену Сергеевну подали в розыск. Уголовного дела не заводили. Отказ о возбуждении подписан лейтенантом Труфановым.

Дайнека выдохнула и с облегчением улыбнулась.

— Уголовное дело не завели, значит, нашли?

— Нет.

— Тогда почему?

— Потому что не было оснований для возбуждения. Скорей всего, Свиридова куда-то уехала.

— Как же так... — Дайнека заволновалась. — А если ее убили? Или похитили?

— Послушайте, прошло тридцать лет. Срок давности для пропавших — пятнадцать. Чего вы хотите?

К окошку подошел мужчина в полицейском мундире, слегка отгеснил Дайнеку и спросил у дежурного:

— Труфанов Василия Дмитриевича не видел?

— Он в триста восьмом у оперативников. Во всяком случае, был десять минут назад, — ответил дежурный.

Мужчина широко зашагал к лестнице.

Дайнека спросила:

— Труфанов Василий Дмитриевич — тот самый?

— В каком смысле?

— Это он подписал отказ о возбуждении дела?

— Он. И если у вас все, не мешайте работать.

— У меня все, — поспешно сообщила Дайнека и побежала вслед за мужчиной в полицейском мундире.

Догнала его на втором этаже, вместе с ним поднялась на третий, прошла коридор и остановилась у кабинета под номером триста восемь. Мужчина вошел, она осталась за дверью. Постояв немного, заглянула внутрь:

— Здравствуйте!

Сидящие за столом офицеры повернулись в ее сторону и замолчали.

— Вам кого? — спросил самый крайний.

— Лейтенанта Труфанова. Василия Дмитриевича.

Навстречу встал пожилой офицер.

— Его нет, — усмехнулся он и пригладил усы.

— Неправда, — возмутилась Дайнека. — Дежурный сказал, что он здесь.

— Не веришь? — Офицер строго посмотрел на нее.

У Дайнеки вытянулось лицо. Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы он не продолжил:

— Лейтенанта Труфанова нет, но есть полковник Труфанов. — Офицер протянул руку, и Дайнека неосознанно ее пожала. — Василий Дмитриевич. Тебя как зовут?

— Людмила Дайнека.

— Зачем я тебе нужен?

Потупив глаза, она прошептала:

— Есть одно дело.

Смеющимся взглядом полковник оглядел всех присутствующих и сказал только ей:

— Тогда идем в мой кабинет.

Он вышел, Дайнека — за ним. Они спустились на второй этаж, проследовали в конец коридора. Перед тем как зайти в кабинет, она прочитала на табличке, прикрученной к двери:

«Начальник Управления внутренних дел Труфанов В.Д.»

— Садись, — Василий Дмитриевич указал ей на стул, а сам опустился в свое кресло и положил руки на стол. — Прости, что на ты. Там в кабинете мне показалось, что ты совсем еще девочка.

— Это ничего. Так даже лучше. — Дайнека подала ему паспорт. — Вот! Сегодня нашла...

— Это и есть твое дело? — Он протянул руку и взял у нее документ. Раскрыл. — Интересно... — поднял глаза. — Где наша?

— В костюмерной Дома культуры. Сначала я нашла сумочку, он лежал в ней.

Василий Дмитриевич уставился в паспорт, перелистал все страницы и положил его перед собой.

— Эта девушка пропала лет тридцать назад.

— В апреле восемьдесят четвертого, — уточнила Дайнека.

— Я помню. В начале апреля я приехал в Железнодорожный, и это было моим первым заданием...

— Почему вы отказали в возбуждении уголовного дела?

— Чтобы объяснить, нужно все рассказать.

— Ну, так расскажите.

Василий Дмитриевич положил руку на паспорт.

— Знаешь, теперь и мне интересно, что все это значит... — Он выдвинул ящик стола, достал сигареты, медленно закурил. — В город Железнодорожный я приехал в начале апреля тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года...

ГЛАВА 4

СЛЕДОВАТЕЛЬ ВАСИЛИЙ ТРУФАНОВ

Понедельник, 9 апреля 1984 года

В общежитие Василий Труфанов заселился сразу же, в день приезда. На работу вышел, как водится, в понедельник. Ему выдали ручку, карандаш и перекидной календарь. Когда он спросил про подставку, чтобы было на чем его перекидывать, завхоз ответила:

— На складе их нет, и когда привезут — неизвестно.

В кабинете уже сидели три человека. Его стол был четвертым и стоял рядом с эркером. Просидев пару часов без дела, Василий понял: если сдвинуть стул чуть левей и вытянуть шею, в окна эркера можно разглядеть перекресток и еще три двухэтажных здания-близнеца, таких же, как то, в котором сидел он. В одном находился Паспортный стол, в другом — Бюро пропусков, в третьем располагался Комитет государственной безопасности, а в четвертом, где работал Труфанов, — Управление внутренних дел Железнодорожского района.

— Труфанов! — в кабинет заглянул лейтенант.

— Я!

— К начальнику следственного! Сейчас!

Василий выскочил в коридор, но потом быстро вернулся.

— А где он сидит?

— Напротив, — махнул рукой сослуживец.

Постучавшись, Труфанов заглянул в кабинет начальника следственного отдела.

— Вызывали?

— Заходи. — Майор протянул руку. — Виктор Николаевич Петров. Когда в город приехал?

— Неделю назад. Устроился в общежитии. Через год обещали квартиру.

— Где год — там и два, — нерадостно пошутил Виктор Николаевич. — Обещанного, как говорится, три года ждут...

На стол шлепнулась картонная папка, Труфанов заинтересованно покосился. Перехватив его взгляд, Петров пояснил:

— Твое первое дело.

— Убийство? — сурово спросил Василий.

Майор отмахнулся.

— Типун тебе на язык. У нас город тихий. Девушка пропала. Разберись, что там да как.

Труфанов раскрыл папку. В ней был только один лист — заявление матери.

— Когда это случилось?

— А ты почитай — там все написано.

— Могу идти?

— Давай, лейтенант, работай... И не слишком усердствуй. Наверняка с хахалем куда-нибудь укатила.

— Есть! — Труфанов козырнул и вышел из кабинета.

Первым делом лейтенант позвонил в приемный покой больницы, потом отправился на квартиру, где жила пропавшая девушка.

Он шел по улицам сибирского города и думал, что здешний апрель не такой, как в его родном Краснодаре. Там, дома, уже расцвел абрикос, дворы наполнились медовыми ароматами, и уже никто не носит пальто. Здесь же еще не растаял снег, а на асфальтовых пятачках уже прыгают девочки, гоняя по классикам свои битки. В лужах искрится солнце, прыгают мокрые воробьи и галдят вороны, радуясь приходу весны.

Когда Труфанов пришел по адресу, дверь открыла темно-волосая женщина лет сорока.

— Екатерина Владимировна Свиридова здесь проживает?

— Это я. Вы из милиции? — Она отступила в прихожую. —

Проходите.

Двухкомнатная квартирка была чисто убрана. Казалось, здесь никто не живет. Хозяйка пригласила Труфанова в комнату, где он вдруг вспомнил, что не представился и не показал документ.

— Следователь Труфанов, — Василий достал корочки.

— Прошу. — Женщина указала ему на диван.

Он огляделся.

— Мне бы туда, где можно писать.

— Тогда садитесь за стол.

Труфанов спрятал удостоверение, сел, достал ручку и положил перед собой лист бумаги.

— Приступим?

Екатерина Владимировна согласно кивнула.

— Расскажите, когда, где и при каких обстоятельствах пропала Елена Сергеевна. Когда в последний раз вы ее видели?

— В пятницу, шестого апреля дочь вернулась из школы...

— В котором часу?

— В четыре или в начале пятого.

— Одна?

— С подругой.

— Имя подруги?

— Ирина Маркелова.

— Они вместе учатся?

— Да, в одном классе.

— Адрес не назовете?

— Чей?

— Ирины Маркеловой.

Екатерина Владимировна прикрыла глаза рукой.

— Сначала я все расскажу.

Труфанов осекся:

— Да, конечно. Простите...

— Домой они пришли в начале пятого. Ирина сразу ушла, Алена стала собираться на репетицию.

Василий отвлекся от протокола:

— Вы же сказали, она школьница.

— Алена учится в десятом классе девяносто девятой школы, а по вечерам занимается в Народном драмтеатре при городском Доме культуры.

— Участвует в художественной самодеятельности?

— Да.

— Ирина Маркелова тоже там занимается? — догадался Труфанов.

— Они с Аленой репетируют одну роль.

— Ясно, — Василий что-то коротко записал. — Значит, стала собираться на репетицию.

— В шесть Алена ушла, и больше я ее не видела.

Труфанов озадаченно распрямился.

— Та-а-ак... Это все?

— Поздним вечером, когда дочь не вернулась домой, я побежала в Дом культуры. Вахтер сообщил, что все давно ушли. Утром пошла к Ирине. Она рассказала, что с репетиции Лена ушла около одиннадцати часов.

— А сама Маркелова где была в это время?

— На репетиции.

— А почему ваша дочь не осталась?

— Аленушке нет восемнадцати. Я попросила, чтобы режиссер отпускал ее до одиннадцати, — Екатерина Владимировна достала из-за манжеты платок и скомкала его в руках. — В тот же день, это была суббота, я пошла в дежурную часть, но мне сказали, что заявление примут только через три дня. Сегодня утром я его написала.

— Оно у меня, — Василий раскрыл папку и продемонстрировал заявление. — Давайте поговорим о том, как жила ваша дочь.

— Почему жила?... — спросила Екатерина Владимировна.

Следователь изменил свой вопрос:

- Давайте поговорим о том, как живет ваша дочь.
- Как и все девушки ее возраста: домашние хлопоты, занятия в школе. Про репетиции я уже рассказала.
- У нее кто-нибудь есть?
- Екатерина Владимировна подняла на него глаза.
- Что вы имеете в виду?
- Мальчик, парень, жених...
- Жениха нет. Рано еще. Парень есть.
- Его имя и адрес.
- Михаил Суворов. Живет в доме, где гастроном. Только сегодня вы его не найдете — учится в институте в Красноярске. Приедет в субботу.
- Значит, в пятницу, когда пропала ваша дочь, его в городе не было?
- Приехал только в субботу и вместе со мной начал искать.
- Вы проверяли вещи Алены?
- Зачем?
- Все ли на месте?
- Все, кроме той одежды, что была на ней.
- Это кстати. Пожалуйста, опишите, в чем она была одета в тот вечер.
- Красное демисезонное пальто, черные сапоги. Юбочка серая, плиссированная, белая блузка. Сумка красного цвета с замочком как у кошелька-гаманка.
- Это как? — переспросил следователь.
- Знаете, как будто два кулачка, и они между собой зацепляются.
- Понял. — Он все записал. — А как насчет документов?
- Паспорта я не нашла.
- Она всегда носила его с собой?

— Нет. Но в этот раз для чего-то взяла.
— И это хорошо, — подбодрил ее Труфанов.
— Почему? — Глаза матери полыхнули надеждой.
— Значит, она куда-то уехала, что исключает другие печальные версии.

— Надеюсь, хоть и не понимаю зачем, — прошептала Екатерина Владимировна.

— В жизни вашей семьи ничего не менялось в последнее время?

— С тех пор как умер отец Алены, мы остались вдвоем. Что у нас могло поменяться...

— У дочери не появились новые друзья или подруги? Может быть, приходили какие-то письма?

— Ничего такого я не заметила.

— Знаете, девчонки часто ведут дневники... У вашей дочери был дневник?

Екатерина Владимировна на мгновение задумалась.

— Бывало такое, что зайду в ее комнату, а она что-то пишет в тетрадке. Увидит меня, закроет и куда-нибудь спрячет.

— Значит, был... Как выглядел, не припомните?

— Красная клеенчатая тетрадь. На обложке — цветы.

— Можете поискать? — Следователь оживился и даже встал, как будто собрался искать дневник вместе с ней.

— Уже искала. Дома его нет.

— Что-нибудь еще можете рассказать?

— Больше нечего.

— Не возражаете, если зайду к вам еще раз?

Екатерина Владимировна уткнулась лицом в платок. Потом, сморкаясь в него, судорожно дернула головой:

— Как я могу возражать?..